

К 220-летию создания
оды Г. Р. Державина «Бог»

Я. Беренников*

РАЗБОР ОДЫ «БОГ» Г-НА ДЕРЖАВИНА**

Лирическая Поэзия есть изливание восторженного сердца¹. Сильное чувство рождает и возвышает ее. Человек, Природа, Вселенная, Бог суть предметы высокой Оды. Сердце человеческое сотворено чувствовать и восхищаться. Необозримое пространство небес, усеянное бесчисленными звездами, шумящие грозные волны океана, быстротекущие реки, дремлющие пустыни, покрытые золотыми класами нивы — словом Природа в красоте и ужасах чью душу не наполнит возвышенными чувствами? Но если взор наш от красот творения вознесется к славе Зиждителя, если действия благотворной Природы откроют пред очами нашими вечную благодать Творческой премудрости, то чье сердце не воспламенится духом божественного исступления? кто в благоговении не преклонит колена пред Несозданным? кто в излинии души своей не воскликнет: Велий еси Господи! и чудна дела Твоя!

Сии творения, описывающие высокие и освященные общим благоговением предметы, более прочих были всегда достойны славы и всеобщего внимания веков и народов. Греки толпились на площадях и цирках при пении бессмертных рапсодий Омира, с сердечным чувством

* Беренников, Яков Иванович (1793–1854) — археограф, член Академии наук, главный редактор Археографической комиссии. Первоначальное образование получил в Тихвинском духовном училище, в юности писал стихи, печатался в периодических изданиях 1810–1820-х гг.

** Вестник Европы. 1812. Ч. 62. № 7, апр. С. 172–195.

¹ См. Рассуждение о Лирической Поэзии Г. Р. Державина. — Здесь и далее сноски автора статьи.

внимали сходям пламенного Пиндара и восхищались высокостию мыслей, отличавших бессмертный Гимн славного Клеанфа. Римляне благоговели перед Вергилиями, Овидиями и Горациями. Самая Христианская вера, учредив в публичных богослужениях чтение творений древних Еврейских песнопевцев, что иное имела в виду, как не уважение народное к сим священным песням, служащим отголоском сердечных чувствий каждого, и обильным излиянием сердца пламенеющего любовью к Творцу-Благодетелю?

Новое Российское стихотворство, возникнув в начале XVIII столетия, показало некоторые неподражаемые образцы в роде высокой Лирической Поэзии. Неоспоримо, что Русские еще в XII веке имели образцовые сочинения и наслаждались самою изящною поэзиею в прекрасном переводе на Славянский язык Священного Писания как неподражаемого образца высокого стихотворства; и времена Владимира и Ярослава суть благословенный рассвет Славянской словесности; но грозные тучи помрачили небосклон Отечества нашего и скрыли восхождение златозарного солнца. — С истреблением чистого Славянского наречия истребился и чистый вкус к изящным творениям. До начала XVIII столетия Русские приняли иноземное стопосложие, совершенно несвойственное поэзии языка отечественного, унижали Славянский язык неискусным соединением его с языком Русским, и одни только уродливые сочинения² служили едва мерцавшей зарею возрождения нашей словесности. Но Ломоносов, — сей в северных туманах возникший Гений, которым могли бы гордиться цветущие долины благословенной Греции, — истреблением в России ложного вкуса и искусным соединением Славянского языка с Русским открыл богатый источник истинных красот поэзии и бессмертными своими творениями доказал силу и превосходство Лирического стихотворства. — Оды его: *К Иову, Вечернее и Утреннее размышление о Божием величестве*, и *перевод некоторых псалмов* сие доказывают. После Ломоносова многие писали в сем роде, но все сочинения отличаются какою-то неплодностью истинного дарования и скудостью высокого, свойственного гимнам, прославляющим Божество.

² Такова комедия «Навуходоносор», написанная при Алексее Михайловиче. См. Древнюю Вивлиофику, часть 8, стр. 187–328, и некоторые другие сочинения. Само собою разумеется, что творения Полоцкого, Феофана и Кантемира из сего исключаются, ибо истинный дар заменяет вкус и чистоту языка.

Наконец явился Державин, и смелый ум его, водимый небесным вдохновением, начертал бессмертную хвалу непостижимой славе Создателя. Вся песнь его ознаменована просвещенным духом истинной философии, силою мыслей, редким расположением частей, искусными падениями, духом благоговения, и наконец неподражаемым искусством великого Стихотворца. Рассматривать красоты бессмертного творения усладительно для каждого сердца. Ода *Бог* занимает ум, пленяет воображение, служит образцом высокого стихотворства и изображает во всем возможном величии Существо непостижимое. Приступим к самому началу.

Стихотворец прямо обращается к Богу; душа его исполнена священным благоговением, сердце пламенеет любовью, дух возносится к престолу Бессмертного, и лира его гремит:

О Ты пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц, в трех лицах Божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог!

Какая философия! какое истинное описание Божества! Каждый стих в сей строфе содержит в себе столько изобилия и богатства, что может служить содержанием для целых сочинений.

...пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества.

Все известные системы древности были согласны с сею истинною. *Бог*, учил Пифагор, *есть тонкая материя, эфир, чистейший огонь, всюду разлитый и все приводящий в движение; следовательно, душа вселенной*. Самая Христианская вера являет дух Божий наполняющим собою необозримое пространство вселенной. Певец Бога, может быть, имел здесь в виду сие место венценосного Пророка, живо описавшего бессмертное свойство Вездесущего: «Камо пойду от духа Твоего, от лица Твоего камо бегу? Аще възду на небо, тамо еси, аще възму кри-

ле мои рано и вселюся в последних моря, и тамо рука Твоя накажет мя, и удержит десница Твоя. Бог наш на небеси и на земли»³.

Теченьем времени предвечный.

Здесь Поэт переносит время за пределы мироздания. Он хочет, чтобы оно не исчезло, но всегда бы осталось присутствующим вечной славе Зиждителя.

Без лиц, в трех лицах Божества!
Дух всюду сущий и единый, и пр.

Так! один Бог может иметь те свойства, с какими олицетворила его неподражаемая кисть бессмертного Стихотворца. Посмотрим далее, каким образом Поэт начинает беседу свою с Невидимым:

Измерить океан глубокий,
Сочечь пески, лучи планет,
Хотя и мог бы ум высокий, —
Тебе числа и меры нет!

Все то, что человеческие знания и мудрость ни содержат в себе удивительного, есть ничто в сравнении со славою Зиждителя. Подобно Икару, дерзнувшему стремиться к солнцу, мысли человеческие стремятся к созерцанию славы Творческой и теряются в неизмеримости бесчисленных совершенств и непостижимых свойств Его. Юнг сказал: *Если бы мы были способны постигнуть Бога, то Бог не был бы Богом или бы мы не были человеки.*

Не могут духи просвещенны,
От света Твоего рожденны,
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает,
В Твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Какое разительное уподобление! подобно мигу, исчезающему в Океане вечности, мысль человеческая, дерзнувшая стремиться к Божеству, исчезает в Его величии. Стихотворец имел сильную причину сказать сие. Летописи миробытия представляли ему сию истину. Ум человеческий бессилен, даже ничтожен в сравнении с Богом. Свет видел гибельные следствия тех тонких умозрений, какими блистали да-

³ Псалом 138, ст. 7–10.

рования некоторых философов 18 столетия, стремившихся подорвать все священное и на развалинах веры соорудить храмы буйству и нечестию. С течением времени системы сии разрушались, умозрения исчезли, но вера в Зиждителя всегда будет сиять подобно благотворному светильнику в мраке сей брэнной жизни, всегда будет утешать людей, и творить их счастливыми.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал;
А вечность прежде век рожденну
В себе самом Ты основал.

Какая поэзия! Дух бытия на крылах своих вылетает из бездн вечности. Но Бог есть творец, а не художник. Творение Его Ему собственно принадлежит. Не было сущности, не было резца, который бы способствовал изваять Ему во всем великолепии величественный храм природы. Он воззвал из вечности довременную бытность хаоса, но и самая вечность основана в Нем самом.

Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый все единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты есь, Ты был, Ты будешь в век!

Песнопевец ничем не ограничивает всемогущего Творческого промысла. Ни мириады веков, ни беспредельные пространства творения не определяют Его величия. Может быть, тьмы солнцев освещали миллионы атмосфер; может быть, подобные миры катились над главами исчезнувших поколений и времен, скрывшихся в бездну вечности; может быть, Творческая десница, разрушив огромное здание сего мира, в будущем изведет многие вселенные, возжжет новые солнца, произведет бесчисленные твари, — и снова мрачные бездны хаоса пременятся в великолепное творение Божеской премудрости, и снова раздадутся согласные гимны, поведующие славу Великого.

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь.

Вся природа представляет нам сию истину, что все смертию стремится к жизни. В царстве творения все действует — бездействием, оживляется — сном, украшается — безобразием, живет — смертию. Настоящие действия естественного мира суть картина будущего состояния нравственного. — *Смерть и гроб*, говорит Юнг, *есть тот мрачный переход, сладкий сон, который восставляя утомленные силы наши пробудит нас для новой бессмертной жизни*. Сия философия присуща всем векам. Апостол Павел так говорит о бессмертии: «Но речет кто, како восстанут мертвые, коим же телом приидут? безумне! ты еже сеши не оживет, аще не умрет. Такожде и воскресение мертвых. Сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется не в честь, восстает в славе; сеется тело душевное, восстает тело духовное»⁴. Клеанф, сей толико прославленный в древности ум, то ж самое разумеет, сказав: *Тобою смешение образует порядок, Тобою стихии сражаясь, соединяются*. Юнг, Аддисон, Клопшток и Гердер, словом, все известные в областях высокой поэзии и красноречия мужи, заимствовали мысль сию и украсили ее всеми цветами, приличными роду их сочинений, собственному духу и философии каждого.

Возвратимся к золотой арфе нашего Поэта:

Как искры сыплятся, стремятся,
Так солнцы от тебя рождаются;
Как в ясной день, когда зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют:
Так звезды в безднах под Тобой.

Восточные сравнения! Представьте себе миллионы искр, сыплющихся из жерла и блистающих среди мрачной ночи: еще солнцы, рассеянные рукою великого Самодержца природы! Вообразите себе в мразный день зимы, когда вождь светил небесных блистательным лучом своим рассыпает мириады бриллиантов по равнинам, белую одежду снегов покровенным: это звезды в тысячу раз величиною своею превосходящие обитаемую нами землю и блистающие в безднах под троном Великого! — Какая картина!

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут.

⁴ 1. Послание к Коринфянам. Гл. 15, ст. 35–44.

Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед Тобой, — как ночь пред днем.

Бессмертные выражения! Стихотворец в духе истинного величия своего искусства изображает величие Бога. Постепенное усиление важности предметов превышает наше понятие и придает величайшую силу сему месту. — Вообразим необъятную неизмеримость вселенной и тьмы светящихся тел, плавающих в обширном океане творения. Мысль высокая! Но дух Поэта ею не довольствуется; он представляет горящие в ночном мраке светозарные лампы, воображает беспредельное пространство, златыми волнами кипящее, изображает вечным огнем пылающие эфиры, выводит мириады тел, блистающих в круге вселенной, и наконец, обращаясь к Зиждителю, говорит: что все сие пред Ним, *как ночь пред днем*. — Мы в исступлении: дух наш пылает благоговением ко славе Создателя, мы проливаем радостные слезы, и лира Поэта благословенна!

Как капля в море опущена
Вся твердь перед Тобой сия.

Стихотворец продолжает сравнение. Вся твердь сия, все пространство, заключающее в себе тьмы миров, освещаемых миллионами солнц, есть *капля, опущенная в море*. — Здесь неприметно вспомнишь о высоком выражении венценосного Пророка: «Яко тысяща лет пред очима твоима, Господи, яко день вчерашний, иже мимо иде»⁵. Ломоносов подобно сему представляет *горящий вечно Океан* и говорит:

Там огненны валы стремятся,
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков,
Там камни как вода кипят,
Горящи там дожди шумят —

---

⁵ Псал. 89, ст. 5.

Сия ужасная громада,
Как искра пред Тобой одна.

Слава Российскому Пиндару! — Но скажем, что сие место нашего Певца тем возвышеннее, чем следствие, из оного выведенное, поразительнее. Изображая величие Бессмертного, он истощил уже все краски неподражаемой своей кисти, представил Бога во всем величии, в каком только человек может Его представить. Какое же следствие? Он ужасается сам вечной Его силы и величия. Если солнца наподобие искры сыплются от пламенного Его престола; если огромные небесные тела, подобно инею, крутящемуся над снегами, вратятся, зыблются и блистают в безднах под тронем Зиждителя; если все бесчисленные сферы, содержащие в кругах своих тьмы тем вселенных, подобных нашей, есть пред Ним, *как ночь пред днем*, есть *малая капля опущенная в море*, то после сего Стихотворец спрашивает:

Но что мной зримая вселенна?
И что перед Тобою я?

Здесь надобно заметить искусный переход от воспеваемого предмета к себе самому, от беспредельного величия к последней малости, от бессмертной силы и крепости к крайней слабости и нищете, от лучезарного света к темному мраку — словом, от Творца ко твари. Каким же образом Поэт начинает сравнение?

В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров — и то,
Как ежели сравнить с Тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед Тобой — ничто.

Стихотворец, желая сильнее изобразить величие Бога, делается Евклидом. Он множит неисчетное множество миров новыми миллионами и все тьмочисленное произведение сих в небесном пространстве плавающих громад называет одною точкою пред взором Зиждителя. Что ж будет человек? Малейшая пылинка, последняя точка в круге бесчисленных тел, движущихся около солнца...

Наш российский Есхил подобно сему изображает величие вселенной, и от него переходит к величию Бога:

Я свет на все поставлю,
И миллионы предьявлю
Их смутной мысли я своей:
Толико ж их взношу над оный,
И паки, паки миллионы:
Песчинка то вселенной всей. —
Твоя премудрость совершенна, и пр.

Очень видно чрезмерное различие кисти прекрасного Трагика, рожденного для ужасов котурна, от кисти бессмертного Лирика, коего удел есть представлять все великое, страстное, пламенное, и Державин, изобразив Бога, достоин лавров Каллиопы столько же, сколько Сумароков, выведши на театре Синава и Семиру, достоин венца Мельпомены.

Мы видели, до какой степени Песнопевец унизил человека в сравнении его с величием беспредельного пространства вселенной. Посмотрим, каким образом искусство его возвысит человека до имени первейшего на земле творения — до образа Божества. Стихотворец, кажется, сомневается, сказав: *ничто*. Пойдем за ним далее:

Ничто! — Но Ты во мне сияешь
Величием своих доброт,
Во мне Себя изображаешь,
Как Солнце в малой капле вод.

Заметим здесь искуснейший переход к противоположному, составляющий толикую красоту в творениях Лирических. Унизить вещь до невероятности и возвысить ее до невероятной степени величия, произвести в умах столь удивительную перемену, увлечь за собой сердца всех, заставить верить обоим противоположностям есть торжество бессмертного Лирика.

Каким же образом волшебное перо Поэта производит столь удивительную перемену?

Во-первых, он представляет свойства Творческие сияющими в образе человека наподобие солнечных лучей, отражающихся в водной капле. — Прекрасное сравнение! Все школы древности, начиная от Моисея, Аристотеля, Фалеса, Пифагора и Платона до Златоуста, Боссюэта, Боннета, Локка и Невтона, согласны с сею истиною, ибо превосходство и величие человека очевидно и самому непросвещенному

уму; но рассмотрев его способности оком просвещенным и наблюдательным, нельзя не признаться, что дух Божий наподобие солнца, отражающегося в малой капле вод, виден в свойствах первейшего на земле творения, которое, исчезая в прахе, парит умом своим за отдаленные сферы, раскрывает непроницаемую завесу Природы и в тайнах творения читает всемогущество и премудрость Еговы.

Далее Стихотворец с некоторым изумлением повторяет опять: *ничто!* и говорит:

...Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чаёт,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь; — конечно, есть и Ты!

Вообразим себе все роды земных тварей. Все их предприятия и надежды ограничиваются настоящею жизнью. Врожденное побуждение управляет их стезями, одна грубая чувственность их занимает. Но человек, вопреки Декартам, Гельвециям, Ламбертам и Кондорсетам, совершенно забывшим о бессмертных его свойствах, есть существо, возносящееся выше сферы, его заключающей. Он не есть житель сей мрачной долины, определяемой, с одной стороны, небытием, а с другой — смертию. Дух его парит горе, все блага жизни не довольны остановить сего парения, у врат храма вечности, в стране бессмертия прекращается пламенное стремление человека. Так! повторим с Поэтом: бытие и превосходство человека очевидно доказывают бытие и совершенство Бога.

Стихотворец далее обращается к воспеваемому Предмету:

Ты есть! -- Природы чин вешает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть; — и я уж не ничто!

Поэт достиг своей цели, он хотел бытием Бога доказать величие и превосходство человека. И подлинно, какой безумец осмелится противоречить сей очевиднейшей, величайшей и священнейшей истине, с которою соединено счастье всего человечества, без которой нет добродетели, нет общества, нет человека. Может быть существуют неко-

торые изверги, которых язык, а не сердце отвергает сию истину. Нет! я не верю сим безумцам! Можно ли, взирая на цветущую природу, на деятельные силы творения, на знаки вечной премудрости, отвергать руку, движущую бытием тварей? Атеисты мудрствуют всегда с закрытыми глазами, ибо нельзя быть атеистом, взирая на природу. Шатобриан говорит: «Мне часто удавалось слышать споры ученых о Существо верховном, и я не понимал их... Но каждый раз мог заметить, что сие Существо непостижимое очевидно открывает себя человеческому сердцу в великих явлениях природы. — Творец! на водах морских бездн и на высоте небес напечатлены знаки Твоего всемогущества!»

Певец Бога, таким образом, Творческим бытием доказав бытие человека, начинает описывать себя самого:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных,
И цепь существ связал всех мной.

Здесь Песнопевец целит на известное определение человека философами средних веков: *nexus utriusque mundi*. Аддисон в своем Зрителе подтверждает то ж самое: «Человек, говорит он, занимает среднее место между естественною и духовною природою, между видимым и невидим миром и составляет то звено в цепи существ, которое в некотором смысле подобно чистейшим духам, славящим Бесплотного, которое дерзает называть бесконечное Существо отцом; в другом смысле человек может сказать с Иовом тлению: *Ты мой отец!* и червю: *Ты моя мать*»⁶. Наш Стихотворец сие самое ужасное различие выразил далее в сем описании разительными красками поэзии. Он продолжает:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;

⁶ Иов. Гл. 7, ст. 14. Смерть назвах отца моего быти; — мать же и сестру мигной.

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь, — я раб, — я червь, — я Бог!

Чья лира умела играть столь смело высочайшими понятиями? чья арфа совместила в звуках своих и прелестнейшие цветы поэзии и всю важность истинной философии? — Какая ужасная противоположность! какое искусство в изображении! — Справедливо говорят, что сие описание нашим Песнопевцем почерпнуто из описания певца Британии в мраке ночи, при священном безмолвии природы беседовавшего с Богом, вечностию и бессмертием. Но Российская Муза превзошла Британскую тою удивительною краткостию, смелою разительностию, неподражаемою гармониею и избранным превосходством выражений, каким мы справедливо удивляемся. — Сие место столько всем известно, что говорить о нем более не нужно.

Поэт далее удивляется самому себе:

Но, будучи я столь чудесен,
Откуда произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.
Твое создание я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в тленность облачился,
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие Твое.

Утешительная истина! Пусть пламенником неверия путеводимый ропщет на минутные бедствия и дерзает порицать бренными устами вечные советы небесной премудрости; но дух, руководимый светом веры, при лучезарном ее сиянии видит в сем мрачном переходе от небытия ко гробу одну скоропреходящую тень трудностей, твердо уверен, что гроб, столь ужасный для сердца, дышащего развратом, для него будет приятною гостиницею успокоения, что мрак могилы скоро рассеется тихим рассветом благословенной зари, предвозвещающей лучезарное солнце вечного дня.

Наконец Поэт заключает свое песнопение оборотом, достойным истинного любимца Каллиопы и воскресителя Лирической Поэзии:

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души мои
Воображения бессильны
И тени начертать Твоей:
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почитать,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Стихотворец кладет кисть свою. Мы в иступлении, слезы льются из глаз наших — и бессмертное искусство Поэта торжествует.

Так! признаемся, что гений Державина единствен, неподражаем, бессмертен. Если дух его не всегда может выдержать парения, каким мы удивляемся в Пиндаре и Ломоносове, то он вознаградил сие едва ли не большею выгодою. Нас мало занимают баснословные происшествия Греков, славные Олимпийские игры, быстротекущие Елидские колесницы, хвала героев, многими тысячелетиями от нас отделенных, — словом предметы, мало действующие на наше сердце, на которые Греческий Песнопевец набросал толико дышащих ароматами цветов. Нас мало трогают высокие и, может быть, слишком украшенные лестью похвалы Повелительнице миллионов, которая, конечно, навсегда пребудет в памяти сынов Отечества; но похвалы сии не все достойны высокой лиры Поэта и представляют одну только сторону несравненного искусства, которым Ломоносов умел столько блеснуть и блеск лучей своих продлить до отдаленного потомства. Певец Елисаветы велик, бессмертен, но лира его, посвященная единственно хвале и славе одного человека, менее трогает нас, нежели изображение тех предметов, кои имеют на нас действие, и может быть будут иметь влияние столько же важное и на потомков наших. Сии предметы одни достойны неподражаемого резца бессмертного искусства; и они-то под кистию Гения блистают в веках и трогают собою чувствительность и добродетель. — Все почти творения Державина носят на себе сей отпечаток. Оды его: *к Богу, к Фелице, на Коварство, на Вельможу, на Победы Российского Аннибала, на Бессмертие, на Водопад, к Ангелоподобной*

Пленере, доколе искусства будут находить обитель в обширном здании мира, доколе добродетель не истребится на земном шаре, доколе пламенный злобной Тизифоны не превратит в пепел всех памятников человеческой мудрости, доколе будут блистать и трогать собою души чувствительные, доколе будут незабвенны и в храме Отечества, и в куще родимой.

Кто дух Горация с Пиндаром съединил,
К Лирическим красам путь новый нам открыл
Кто подвиги гремел бессмертных Фелицы,
Кто гласом Аонид Героев Росских пел:

Тот соорудил себе вечный памятник.